Мир, окружающий Ча Мина, исчез в пустоте так же, как и пришел. Он открыл глаза на знакомую сцену светло-голубого сияния окружающей пещеры. Голубое сияние больше не исходило из бассейна, а исходило от сотен камней, оставленных в бассейне. Он не спешил их извлекать, потому что сосредоточился на ответе на свой вопрос.

Хусянь все еще крепко спал на его плечах. То, что он собирался предпринять, было потенциально очень опасным, поэтому взял Хусяня и посадил его в сторону большой пещеры. Раньше он осматривал их запасы пищи, и их хватит, чтобы продержаться в пещере несколько недель, но после этого им нужно было выйти из пещер и попытаться отправиться в город. Он надеялся, что Ван Цзюнь выполнил свою миссию и вытащил Фэн Мина, Гун Лань и, конечно же, Хун Синь. Ван Цзюнь, казалось, был без ума от нее, поэтому она, вероятно, была в порядке.

Перед тем как оставить Хусяня в углу, он пару раз похлопал его и спел колыбельную, которую слышал в детстве. Затем вернулся туда, где раньше был бассейн, и достал кисть «Чистое небо». Одной лишь мыслью, зеленое сияние появилось на кончике кисти. Осторожно, но точно, переместил свою кисть в привычном порядке. Однако по сравнению с прошлым разница была огромной. Теперь он рисовал воздух, рисовал небеса!

Поскольку это была его первая попытка, он решил начать с чего-то маленького, небольшого листа, который видел на символе дерева. Когда элементарная эссенция вылилась из кисти, он наполнил ее своим духовным чувством, которое, казалось, приостанавливало чернила в воздухе и препятствовало их падению. Достаточно скоро, двенадцать мелких штрихов были сделаны, и ранее неодушевленный лист, казалось, ожил, и поверил в то, что он реальный и естественный (природный) лист. Успех!

После своего первого успешного листа он продолжал рисовать больше, пока не завершил базовую структуру из двенадцати листьев. Эти двенадцать листьев станут основой символом дерева. Это был последний этап символа, конец. Как сказал ему ранее бородатый мужчина, все дело в глубине. Если человек начал с начала, не указав конец, получающийся в результате, неудачный символ мог бы извлечь слишком много духовного чувства из его создателя. Начинать надо, думая о конечном результате, придавая символу определенную цель, и поэтому создание, никогда не опустошит его запасы до капли, об этом предупредил учитель.

Когда эта мысль пронзила его разум, он понял, что потерял концентрацию. Его первоначальный успех был недолгим, и цветущие листья пожелтели, после чего они упали на землю и превратились в пыль. Он не стал останавливаться на этом провале, поскольку испытывал это слишком много раз прежде, когда создавал талисманы. По сравнению с его предыдущими работами этот трехмерный символ был значительно сложнее. Он мог сказать, что этот символ находился на самом пределе для его нынешнего уровня культивации, и ему нужно было совершить прорыв в его духовном чувстве, чтобы завершить его.

День за днем его практика продолжалась. Двенадцать листьев превратились в двадцать четыре, а двадцать четыре листа превратились в тридцать шесть. После целой недели он, наконец, смог нарисовать целых шестьдесят листов, которые были объединены в группы по пять. Эти группы по пять выглядели очень похоже на стебли молодых бобов, каждая длиной всего в фут, те, у которых еще не распустились цветы. Тем не менее, они источали чувство

подавляющей жизненной силы. Без всякого предупреждения Ча Мин знал, что его духовное чувство полностью иссякло, и пять стеблей снова рассеялись в прах.

Хусянь проснулся несколькими днями ранее. Он проснулся в довольно веселом, но голодном настроении, облизывая руку Ча Мин и прося еды. Ча Мину не потребовалось много времени, чтобы осознать, что сухофрукты и орехи, которые приготовил для себя, никогда не удовлетворят умоляющего лисенка, и после некоторого созерцания, вынул труп одного из духовных собак более низкого уровня, которые он ранее подобрал. Хусянь посмотрел на него со смущенным выражением лица, но вскоре весело грыз новое блюдо. Ча Мин вздохнул. Опять же, он был обязан заботиться о хищном домашнем животном. Это не было его любимым занятием, но альтернативой было позволить бедному детенышу умереть с голоду.

Почти полный символ дерева в настоящее время плыл в воздухе. Ча Мин обильно вспотел, изо всех сил пытаясь нарисовать предпоследний штрих символа. Вероятно, это был тысячный раз, когда он пытался нарисовать его. Он перестал считать после сотого раза. Каждый раз, пытаясь нарисовать трехмерный символ дерева, он начинал с самого маленького листа, в конце концов, объединяя несколько листьев в стебель. Двенадцать стеблей будут соединяться с ключевыми узлами символа, такими как точка или линия пересечения.

Независимо от того, была ли это общая черта кисти или потому, что он использовал небеса в качестве бумаги, элементарная эссенция, использованная на неудачном символе, автоматически втягивалась в его кисть. Казалось, что сама кисть отказалась от посредственного результата, позволяя появиться только законченному продукту.

Ча Мин действительно не имел ни малейшего представления, было ли это нормальным явлением или обычные кисти могли также совершить такой подвиг, как рисование самих небес. В будущем ему придется поэкспериментировать и определить пределы и ценность этой способности. Возможно, некоторые кисти талисмана ранга формирования фундамента также имели эту чудесную способность.

Скорость, с которой Ча Мин мог рисовать листья, была ошеломляющей по сравнению с его первоначальными попытками. Сначала ему нужно было сосредоточиться на каждой жилке листа, чтобы сформировать идеальный образец. Позже, создав более десяти тысяч листьев, он мог сформировать идеальный лист одним махом кисти и без особых усилий. Этот метод был намного менее утомительным, чем его предыдущие попытки, и он сохранял ему большую выносливость для остальной части символа. Как будто непостижимая тайна могла проникнуть в его кисть, желая, чтобы чернила сами сформировали полностью идеальный лист.

Поразмыслив, он обнаружил, что этот процесс очень похож на то, как посадить семя и ожидать, что растение будет расти при достаточном количестве воды и солнечного света. Семя было «закодировано» инструкциями, которые оно затем использовало бы, чтобы вырастить новое растение. Шестьдесят «семян», которые он нарисовал, были затем собраны в двенадцать ключевых узлов, используя базу символов дерева (□), в общей сложности семьдесят две ключевые точки.

Вскоре Ча Мин завершил двенадцать стеблей, содержащих, по пять листьев каждый. Он приближался к точке истощения и ненадолго остановился, чтобы перевести дух. Первый штрих, горизонтальный. Второй штрих, вертикальный. Левая сторона, правая сторона. Законченный символ объединился, и листовые стебли извивались, как будто они издавали крики радости. К его удивлению, символ сжался до размера кулака. Когда он восхищался своим первым стабильным творением, Чистая Небесная Кисть издала командный «Оммммм».

Как будто дрожь от страха, символ дерево бросился к груди Ча Мина с пугающей скоростью. У него не было возможности среагировать. Символ ударил его в самый верх и в центр его грудной клетки. Он был мгновенно наполнен успокаивающим чувством, когда энергия начала вливаться в него из окружающей среды, образуя водоворот с ним в центре. Это была энергия неба и земли в чистом виде!

В углу комнаты Хусянь, которому было довольно скучно, с любопытством посмотрел на него. Похоже, его новоиспеченный опекун не испытывал затруднений или боли, но и не мог ничего с этим сделать. Теперь был шанс, которого он ждал. Черно-белый лис рванул к середине кратера ранее заполненным бассейном и тут же вцепился в один из многочисленных камней с хрустящим звуком.

Успешно съев первый камень, он продолжил, есть второй, затем третий. Несмотря на то, что Ча Мин был нетрудоспособным, он мог видеть все это. Решив, что ему нужно будет надлежащим образом дисциплинировать его, если они переживут их испытание. Маленькое существо было в основном олицетворением чревоугодия. Хусянь, чувствуя несчастье Ча Мина, повернулся к углу с опущенными ушами, после чего снова заснул.

Энергетический водоворот длился целых шестьдесят часов, прежде чем окончательно рассеяться. Зеленый символ уже давно оставил свой отпечаток на груди Ча Мина. После шестидесяти часов непрерывного бездействия он, наконец, смог двигаться. Он медленно встал и начал хрустеть суставами. Ему казалось, что его физическое тело переродилось, и он почувствовал, как его мышцы наполняются энергией. Разогнув мышцы, вынул кисть Чистого Неба. Это движение выглядело так же, как и раньше, но теперь символ дерева больше не сиял зеленым. К его облегчению, он все еще мог заставить элементарную эссенцию дерева собраться на кончике кисти.

- Попробуй что-нибудь поднять, тупица! - знакомый голос прозвучал в его голове.

Черные линии образовались на его лбу, когда он вздохнул. Оказалось, что бесстыдный старец может говорить с ним, когда захочет. Жизнь должна была стать намного более интересной и бесконечно более расстраивающей. Учитывая неисправимое влияние рыжебородого, он решил подыграть, идя к камню, который, вероятно, весил сотню цзиней. Это был тот крайний предел, который мог поднять ранее.